

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(Шве)-44

A73

Stefan Ahnhem
ÖFFER UTAN ANSIKTE

Серия «Звезды скандинавского триллера»

Published by agreement with Salomonsson Agency

Перевод со шведского *Елены Серебро*
Оформление обложки *Анары Хайрушевой*

В книге присутствуют упоминания социальных сетей,
относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской,
и чья деятельность в России запрещена.

Анхем, Стефан.

A73 Жертва без лица: [роман] / Стефан Анхем; — [перевод
со шведского Серебро Е.]. — Москва: Издательство АСТ,
2023. — 512 с. — (Звезды скандинавского триллера).

ISBN 978-5-17-157873-2

Можно ли уйти от своей судьбы?

В маленьком шведском городке совершены два жестоких убийства. Жертвы — двое взрослых мужчин, когда-то бывших одноклассниками и неразлучными друзьями. Все знают, что в школе они травили и били ребят, которые имели несчастье им не понравиться. Многие догадываются, что, повзрослев, они не сильно изменились. На месте преступления полицейские обнаружили фотографию того самого класса. Лица убитых были перечеркнуты.

Фабиан Риск учился в том же классе. Его сразу же привлекают к расследованию.

Вскоре появляются новые жертвы — бывшие одноклассники. Фабиан начинает опасаться, что и ему самому грозит опасность. Однако, лихорадочно работая над делом, он не замечает самого главного, и за это ему придется жестоко заплатить.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(Шве)-44

© Stefan Ahnhem, 2015
© Серебро Е., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-157873-2

ПРОЛОГ

Через три дня

Ворона села ему на голый живот и вцепилась в него острыми когтями. Первые несколько раз, когда он просыпался от этого, ему удавалось прогнать птицу и заставить ее ослабить хватку. Но сейчас, похоже, пернатую будет не так легко отпугнуть. Ворона продолжала сидеть на нем и бесцеремонно топтать его лапами, становясь все более нетерпеливой и голодной. Еще немного, и она начнет клевать его, отрывая по кусочку. Он крикнул изо всех сил, и в конце концов птица разжала лапы и улетила, каркая и махая крыльями.

Сначала он думал, что ему снится кошмарный сон, и что стоит только проснуться, как все опять встанет на свои места. Но когда он все-таки открыл глаза, то не увидел ничего, кроме темноты, — глаза у него были завязаны.

Подул слабый теплый ветерок, и он понял, что находится на улице и голый лежит на чем-то твердом и холодном в позе Витрувианского человека с рисунка Леонардо да Винчи. Вот и все, что он знал. Остальное — одни сплошные вопросы. Кто положил его сюда? И зачем?

Он снова попытался высвободиться, но чем сильнее старался, тем глубже шипы от ремней впивались ему в запястья и лодыжки. Его пронзала острая боль, напоми-

ная о мучениях, которые он испытал в девять лет: ему не удалось убедить зубного врача в том, что наркоз не подействовал.

Но это не шло ни в какое сравнение с той болью, которая приходила раз в сутки и чаще всего длилась по несколько часов. Она обжигала, как сварочное пламя, и медленно перемещалась по его голому телу. Иногда она внезапно прекращалась, чтобы так же внезапно вернуться. Иногда боль вообще не приходила. Он старался понять, что это — может быть, его время от времени пытаются, — но потом оставил эти напрасные попытки и сосредоточил все свои силы, стараясь выдержать боль.

Он определил, что, наверное, опять прошел час, и как можно громче позвал на помощь. Его поразило, какой жалкий звук он издает, и он закричал снова, постаравшись придать голосу большую силу и басовитость. Но в затихающем эхе услышал, как настойчиво пробиваются резкие нотки отчаяния. Он сдался. Его все равно никто не слышит. Никто, кроме вороны.

Он предпринял еще одну попытку восстановить ход событий, не зная, в который раз. Может быть, он упустил какую-нибудь маленькую деталь, которая могла бы дать ему ответы.

Утром он вышел из дома около шести; до начала смены оставался почти час. Он решил не брать машину — так он поступал всегда, как только позволяла погода: прогулка по парку, как правило, занимала не больше двенадцати минут, так что у него было полно времени.

Стоило ему выйти из дома, как он всем телом ощутил беспокойство. Причем так явственно, что остановился и обвел взглядом квартал, но не увидел ничего необычного. То есть ничего, кроме соседа, который упорно старался завести свой старый ржавый «Фиат пунто», и женщины с красивыми светлыми волосами, проехавшей мимо на велосипеде. Ее юбка развевалась

на ветру, а велосипедную корзину украшали пластмассовые ромашки. Создавалось впечатление, что женщина села на велосипед только для того, чтобы подарить всем радость.

Но на него это совершенно не подействовало. Беспокойство завладело им, и, поглощенный тревогой, он перешел дорогу на красный свет, чего никогда не делал в обычной ситуации. Однако это утро было необычным. Он напрягся всем телом, как пружина, и, пройдясь немного по парку, отбросил сомнения.

За ним определенно кто-то шел по пятам. Судя по звуку шагов по гравии, человек был обут в кроссовки.

Он заметил, что прибавил шагу, и заставил себя идти медленнее.

Шаги становились все ближе, но он боролся с желанием бросить взгляд через плечо. У него участился пульс, по телу покатился холодный пот. Ему показалось, что он теряет сознание, и в конечном итоге он сдался и обернулся.

К нему направлялся мужчина, действительно, в кроссовках. Пара черных Reebok. Мужчина был одет в черную одежду с множеством карманов. На спине — набитый рюкзак, в руке — тряпка.

Но только когда мужчина поднял глаза и встретился с ним взглядом, он смог увидеть его лицо.

После этого все провалилось. От удара кулаком прямо в солнечное сплетение боль пронзила все нервные волокна. Он отчаянно пытался вдохнуть, опустился на колени и почувствовал, как к его лицу прижали тряпку.

Следующее воспоминание — он очнулся от того, что ему в живот вонзились когти.

Высоко над его головой одинокое облачко заслонило солнце. Спасение такое же мимолетное, как замок из песка. Когда облако наконец поплыло дальше и исчезло, небо стало совершенно голубым, каким оно бывает только в разгар шведского лета. Теперь солнце шпарило

на линзу, размещенную таким образом, что она, в свою очередь, направляла лучи на точку рядом с распятым человеком. Об остальном заботилось вращение земли вокруг своей оси.

Последнее, что он услышал, — неприятное потрескивание собственных горящих волос.

ЧАСТЬ 1

30 июня — 7 июля 2010 года

Осенью 2003 года психолог Киплинг Д. Уильямс провел эксперимент: он подверг своих подопытных социальной обструкции посредством «Кибербола» — виртуальной игры, когда трое игроков передают друг другу мяч. Через какое-то время двое игроков стали перебрасывать мяч исключительно между собой. Третий, не зная, что играет с компьютером, сразу же почувствовал, что его исключили и забраковали. Чувство было настолько сильным, что магнитно-резонансная томография зафиксировала повышенную активность именно в той части мозга, которая отвечает за физическую боль.

1

Фабиан Риск проделывал этот путь бесчисленное количество раз. Но никогда раньше он не испытывал такой легкости и подъема, как сейчас. Они выехали рано утром, как и планировали, и смогли себе позволить спокойно пообедать в Гренне.

Уже тогда волнение из-за переезда стало проходить. Соня радовалась, почти что ликовала, и вызвалась сесть за руль на последнем отрезке пути через Смоланд, чтобы он смог выпить большую кружку крепкого пива с салакой. Все шло до такой степени гладко, что он поймал себя на мысли, что жена притворяется. Если уж совсем честно, в глубине души он сомневался, что можно на самом деле вот так просто взять и убежать от проблем и начать все сначала.

Реакция детей была ожидаемой. Матильда смотрела на переезд как на увлекательное приключение, хотя ей предстояло пойти в четвертый класс в совершенно новую школу. Теодор отнесся не так одобрительно и грозился остаться в Стокгольме. Но, похоже, после обеда в Гренне даже он решил дать судьбе шанс и, к всеобщему удивлению, несколько раз вынимал из ушей наушники и вступал в разговор с остальными.

Но лучше всего было то, что прекратились крики. Крики и вопли людей, которые молили о пощаде и просили сохранить им жизнь. Их голоса преследовали его

последние полгода — и во сне, и почти все время наяву. Наконец они смолкли.

Первый раз он заметил это в районе Седертелье, но решил, что ему всего лишь кажется. И только когда они проехали Норрчепинг, он убедился окончательно. Голоса ослабевали с каждым километром, который они оставляли за собой. Теперь, когда они прибыли на место, проехав 556 километров, голоса смолкли окончательно.

Жизнь словно разделилась на «до» и «после». В «до» остался Стокгольм и события прошлой зимы. А теперь наконец — наконец-то! — наступил период «после», подумал Фабиан, вставляя ключ в замок их нового дома — английского таунхауса из красного кирпича на улице Польшегатан. Пока что он был единственным из всех членов семьи, кто побывал в доме, но он совсем не волновался по поводу мнения остальных. Как только он увидел, что дом продается, у него появилась уверенность, что здесь и только здесь они должны начать свою новую жизнь.

Польшегатан, 17, район Тогаборг, до города рукой подать, за углом — лес Польшескуг. Здесь он будет бегать по утрам и опять станет играть в теннис на корте. Если захочется на море, надо только спуститься вниз по улице Халалидбаккен — и ты на пляже Фриа бад, где он всегда купался в юности. В то время он мечтал жить именно в этой части города, а не в желтых жилых казармах в районе Дальхем. Теперь, тридцать лет спустя, мечта сбылась.

— Папа, чего ты ждешь? Почему молчишь? — спросил Теодор.

Фабиан очнулся от восторга и осознал, что его семья стоит на тротуаре и ждет, когда он возьмет мобильный телефон, который звонил у него в кармане. Достав телефон, он увидел, что это Астрид Тувессон, глава уголовного отдела полиции Хельсингборга, его новый, или точнее сказать, будущий начальник.

Формально еще шесть недель он числится в стокгольмской полиции. С точки зрения непосвященных,

он сам решил уволиться. Но вне всяких сомнений, большинство его бывших коллег знают, как на самом деле обстояло дело и что ноги его там больше не будет.

Мысль о шести неделях вынужденного отпуска начинала его привлекать. Он не мог вспомнить, когда в последний раз так долго отдыхал со дня окончания школы. Время покажет, хватит ли ему этих недель. Он планировал сначала не спеша обустроиться в новом доме. Потом заново познакомиться со своим родным городом, а затем, в зависимости от погоды и желания, поехать куда-нибудь в теплые края. Ему надо избегать стресса. Обо всем этом Астрид Тувессон следовало бы знать.

И все-таки она позвонила.

Что-то случилось, и он уже собрался было ответить, чтобы узнать, что именно. Но они с Сонеи дали друг другу обещание. Этим летом они опять станут семьей и будут делить ответственность. Может быть, у нее даже хватит куража закончить последние картины к осенней выставке? К тому же наверняка в полиции Хельсингборга не все ушли в отпуск?

— Нет, подождет, — он положил мобильный обратно в карман, отпер дверь и впустил Теодора и Матильду — каждый хотел войти первым. — Будь я на вашем месте, я бы начал с сада! — Он повернулся к Соне, которая поднялась к нему на крыльцо с переносной колонкой в руке.

— Кто звонил?

— Ничего важного. Иди сюда, сейчас я покажу тебе дом.

— Это не...

— Нет, не это, — отозвался Фабиан. Но по глазам жены понял, что она ему не верит, и для пушей убедительности показал ей мобильный. — Это моя будущая начальница, она, наверное, просто хотела поздравить нас с новосельем. Идем. — Он взял динамик и провел Соню в дом, рукой закрыв ей глаза. — Тадам! — он отнял руку. Она обвела взглядом пустую гостиную с открытым камином и прилегающей кухней, окна которой выходи-

ли на маленький сад с задней стороны дома — Теодор и Матильда уже прыгали там на большом батуте.

— Ой. Это же совершенно... Совершенно потрясающе!

— Значит, ставишь зачет? Одобряешь?

Соня кивнула:

— А фирма-перевозчик сказала, когда они будут?

— Они только сказали, что приедут во второй половине дня ближе к вечеру. Но всегда есть надежда, что они припозднятся и явятся только завтра.

— Можно спросить почему? — спросила Соня, обняв его за шею.

— У нас есть все, что нужно. Чистый пол, свечи, вино и музыка. — Фабиан поставил динамик на кухонный стол, вставил в него свой старый поцарапанный «Айпод Классик» и включил «For Emma, Forever Ago» группы «Бон Ивер» — его любимый альбом на протяжении вот уже нескольких недель. Он поздно запрыгнул в поезд «Бон Ивер». При первом прослушивании диск показался ему скучным, но он дал ему второй шанс и тогда понял, что это настоящий шедевр.

Он обнял Соню и начал танцевать. Она засмеялась, изо всех сил стараясь двигаться в такт его импровизированным па. Он заглянул в ее каре-зеленые глаза, а она расстегнула заколку и распустила свои каштановые волосы. Тренинг, который ей назначил психотерапевт, определенно дал результат. Как физический, так и психический. Жена явно похудела на пять-шесть килограммов. Она никогда не была полной, скорее наоборот. Но черты ее лица стали более четкими, и ей это шло.

Он быстро закрутил ее в танце, и она упала в его объятия. Она опять засмеялась, и он понял, что ему очень не хватало ее смеха.

Они обсуждали самые разные варианты. Например, выехать из городской квартиры в районе Седра Шашун и приобрести дом в каком-нибудь ближнем стокгольмском пригороде. Или даже купить маленькую квартиру, разъехаться и поочередно заботиться о детях. Но

ни один из этих вариантов по-настоящему не годился. Оставалось только понять, то ли это от сильной боязни развода, то ли от того, что в глубине души они любят друг друга.

И только когда он нашел дом на улице Польшегатан, пазл сложился. Должность криминального инспектора в полиции Хельсингборга, свободные места в школе в районе Тогаборг и большое чердачное помещение со слуховыми окнами, которое идеально подходит для Сони как ателье. словно кто-то смилоствовал над их судьбой и решил дать им последний шанс.

— А дети? Ты подумал, где они будут спать? — прошептала Соня ему в ухо.

— В подвале наверняка есть какая-нибудь комната, где мы их можем запереть.

Соня собралась ему ответить, но он не дал ей ничего сказать, поцеловал ее и опять стал танцевать. И тут в дверь позвонили.

— Они уже здесь? — Соня прервала его поцелуй. — Значит, будем ночевать в своих постелях.

— А я так мечтал о ночевке на полу.

— Но ведь пол остается? К тому же я сказала «ночевать», ничего другого. — Она коснулась губами губ мужа, провела рукой по его животу и засунула руку ему за пояс.

«Это пройдет, и мы будем жить счастливо до конца наших дней», — успел подумать Фабиан, прежде чем она вытащила руку и пошла открывать.

— Привет, меня зовут Астрид Тувессон. Я одна из новых коллег твоего мужа. — Стоявшая в дверях женщина протянула Соне руку. Другой рукой сдвинула солнечные очки вверх на светлые вьющиеся волосы, благодаря которым, а также цветастому платью, тонким загорелым ногам и босоножкам, выглядела на десять лет моложе своих пятидесяти двух.

— Вот как? Привет, — Соня повернулась к Фабиану, который подошел к ним и пожал Тувессон руку.

— Ты хочешь сказать, *будущий* коллега. Я выхожу на работу только шестнадцатого августа, — сказал Фабиан и заметил, что у нее нет мочки левого уха.

— Будущий *начальник*, если уж быть совсем точными, — гостья рассмеялась и поправила волосы так, что не стало видно уха. Фабиан невольно спросил себя, что это может быть: ранение или врожденный дефект. — Извини. Я действительно не хочу вам мешать в разгар вашего отпуска, и вы, должно быть, совершенно вымотались после дороги, но...

— Ничего страшного, — прервала ее Соня. — Входи, входи. Но, к сожалению, ничем угостить не сможем, поскольку все еще ждем наши вещи.

— Ничего страшного. Мне только на несколько минут нужен ваш муж.

Соня молча кивнула, и Фабиан провел Тувессон на террасу с задней стороны дома и закрыл за собой дверь.

— Я в итоге тоже сдалась и купила батут. Дети канючили несколько лет, а когда я его купила, они уже успели вырасти.

— Прости, но в чем дело? — у Фабиана не было ни малейшего желания посвящать отпуск светской беседе со своей будущей начальницей.

— Произошло убийство.

— Правда? Бывает. К сожалению. Не хочу вмешиваться, но не лучше ли тебе обратиться к тем коллегам, которые не ушли в отпуск?

— Йорген Польссон. Тебе знакомо это имя?

— Он жертва?

Тувессон кивнула.

Фабиан слышал это имя, но у него не было никакого желания пытаться понять, кто это. Меньше всего ему хотелось работать. Он почувствовал себя полностью заправленным нефтяным танкером, который только что захватили пираты и который вынужден сменить курс прочь от райского острова.

— Может быть, так ты лучше вспомнишь? — Тувессон показала файл с фотографией. — Это лежало на жертве.

Фабиан взял папку, посмотрел на фото и сразу же понял, что никакого райского острова не будет. Он узнал фотографию, хотя едва ли мог вспомнить, когда последний раз ее видел. Это было фото их класса в девятом классе. Последняя фотография, на которой все в сборе. Сам он стоял во втором ряду, а за ним по диагонали — Йорген Польссон.

Перечеркнутый черным фломастером.

2

Он пробыл в доме всего час, а потом в дверь позвонили. Конечно, он понимает, почему Тувессон предпочла обратиться к нему. Не сделать этого — все равно что совершить должностное преступление. А вдруг он помнит что-то, что сможет ускорить расследование, и в конечном итоге спасет несколько жизней. Но у Фабиана почти не осталось воспоминаний о средней школе и, честно говоря, не было ни малейшего желания воскрешать в памяти то время.

— Вон та белая «Королла», — сказала Тувессон, и Фабиан перешел за ней на другую сторону улицы. Она предложила отвезти его до места преступления и потом обратно домой, чтобы Соня могла спокойно разгрузить вещи из их машины. — Знаешь, я действительно ценю, что ты нашел время поехать со мной, хоть ты и в отпуске.

— Мой отпуск еще даже не начинался.

— Обещаю, это займет не больше пары часов. — Тувессон вставила ключ в замок и повернула его. — Машина запирается на центральный замок, но дверь заедает, так что потяни немного.

Фабиан распахнул дверь и увидел пассажирское сиденье, заваленное бумажными стаканчиками из-под

кофе, начатыми пачками Мальборо, ключами, остатками еды, использованными бумажными полотенцами и пачкой тампонов.

— Извини. Подожди, я только... — Она сбросила все на пол, кроме ключей и сигарет. Фабиан сел, и Тувессон завела машину и выехала. — Можно, я сделаю затяжку? — Не успел Фабиан ответить, как она закурила и опустила стекло. — Вообще-то я бросаю. Знаю, так всегда говорят, и вместо того, чтобы болтать и обещать, надо делать. Я и сделаю. Только не сейчас. — Она глубоко затянулась, одновременно сворачивая на улицу Тогагатан.

— Ничего страшного, — ответил Фабиан, взглянув на фотографию своего класса и перечеркнутое лицо Йоргена. Почему он с таким трудом вспомнил, кто такой Йорген Польссон? Если уж кого и помнить, так именно Йоргена. Он никогда его не любил, и, может быть, этим всем объяснялось. Он просто-напросто вытеснил его из памяти. — Где его нашли?

— В школе в районе Фредриксдаль. Насколько я понимаю, он работал там учителем труда.

— К тому же он учился в этой школе в старших классах.

— Да, не все добираются аж до самого Стокгольма. Кстати, что ты о нем знаешь?

— Более или менее ничего. Мы никогда не общались. — Фабиан вспомнил шерстяные свитера Lyle Scott и Lacoste и как в класс вкатили телевизор и прервали урок, когда Стенмарк* должен был броситься со склона. — Если уж совсем честно, мне Йорген никогда не нравился.

— Да? А почему?

— Он был самым крутым в классе, и с ним было тяжело. Ну, ты знаешь, он делал, что взбредет в голову.

— У нас тоже был такой. Он мешал на всех уроках, отнимал у остальных подносы с едой и так далее. И ни-

* Ян Ингемарк Стенмарк, 1956 г.р., выдающийся шведский горнолыжник